А.В. Тарзаева

В.С. Соловьев и Я.П. Полонский: к пониманию сущности лирической поэзии*

Аннотация. В статье впервые сопоставлены эстетические взгляды В.С. Соловьева и Я.П. Полонского. Рассмотрены основные тезисы о поэзии, постулированные Вл. Соловьевым в работах «Общий смысл искусства» и «О лирической поэзии». Дано истолкование возражений Полонского на посвященную его творчеству статью Соловьева. На материале критических заметок и писем поэта доказано, что в коренных вопросах его позиция созвучна воззрениям философа, а разногласия вызваны различным пониманием места лирики в иерархии искусств.

Ключевые слова: Я.П. Полонский, В.С. Соловьев, эстетика, лирическая поэзия, смысл творчества, иерархия искусств.

Для цитирования: Тарзаева А.В. В.С. Соловьев и Я.П. Полонский: к пониманию сущности лирической поэзии // Русская словесность. 2025. № 1. С. 75–80.

Научная статья

УДК: 82.01

DOI: 10.47639/0868-9539_2025_1_75

Тема «Вл. Соловьев и Я.П. Полонский» традиционно рассматривается лишь в одной плоскости: изучаются литературно-критические статьи философа, посвященные поэту. Статьи эти действительно представляют собой самый яркий эпизод их творческого взаимодействия. Соловьев в 1890-е гг. создает ряд литературных портретов лириков послепушкинской эпохи: А.А. Голенищева-Кутузова, Я.П. Полонского, К.К. Случевского, А.К. Толстого, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета и др. Художественный мир Полонского становится предметом его анализа не единожды: в 1890 г. философ использует его стихотворения в качестве иллюстративного материала в теоретической статье «О лирической поэзии»; в 1896 г. в критическом очерке «Поэзия Я.П. Полонского», легшем в основу статьи «Полонский» для словаря Брокгауза и Ефрона, он представляет развернутый анализ его мировоззрения и художественного метода; после смерти поэта в 1898 г. Соловьев подводит итоги его пути в кратком некрологе.

Особое внимание к Полонскому зачастую объясняется литературными симпатиями философа, видевшего в поэте «певца Вечной Женственности» [Юрина, 2004, с. 116]. Между тем вопрос об их взаимоотношениях определенно следует поставить шире. Полонского Соловьев с детства знал лично: его отец, историк С.М. Соловьев, был знаком с ним со студенческих времен. Любопытно, что философ подчеркивал этот факт в энциклопедической статье о поэте — замечал, что в университете «его товарищами были Фет и С.М. Соловьев» [Соловьев, 1914, т. 10, с. 515]. Сам же Полонский всегда выделял среди друзей студенчества А.А. Фета и А.А. Григорьева — их имена даже были вынесены в отдельный подзаголовок его мемуаров о Московском университете: «Товарищи: Аполлон Григорьев и Фет» [Полонский, 1986, с. 411]. С.М. Соловьев в воспоминаниях поэта не фигурировал. И все же для философа акцентировать эту давнюю связь, очевидно, было важно.

* Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ, проект № 23-28-00800).

© Тарзаева А.В., 2025.

В биографическом плане контактов Полонского и Соловьева обязательно следует назвать и имя Фета, бывшего для обоих близким другом и собеседником по переписке. История отношений Фета и Полонского в деталях восстановлена А.Ф. Коковиным [Коковин, 2010]. Вопрос о личных и творческих связях Фета и Соловьева также не относится к числу малоизученных [Переписка Фета с Вл.С. Соловьевым, 2013]. Тем временем непосредственные связи философа и Полонского остаются открытой проблемой, актуальность которой обусловлена в числе прочего тем, что критические работы Соловьева не прошли для поэта незамеченными. Так, первая его статья, посвященная одновременно Фету и Полонскому, — «О лирической поэзии», — обсуждалась поэтами в письмах.

27 декабря 1890 г., спустя пару недель после публикации текста, Полонский кратко отозвался о нем. Он заочно поблагодарил философа за высокую оценку — за «немалую честь» стоять в одном ряду с Фетом, но при этом выразил несогласие со сделанными заключениями: Соловьев «<…> искренен и прав с своей точки зрения — на поэзию; — но я лично, смотрю несколько иначе» [Переписка с Я.П. Полонским, 2008, с. 868]. Факт скептического отношения поэта к посвященной ему статье упоминался Н.Г. Юриной [Юрина, 2004, с. 38] и А.Ф. Коковиным [Коковин, 2010, с. 66–67]. Исследователи ограничились короткой констатацией этого момента, хотя А.Ф. Коковин и отметил, что поэт понял статью неверно, слишком прямолинейно. Интересно рассмотреть конфликт подробнее: прояснить, действительно ли теоретические представления Полонского о творчестве расходятся с идеями Соловьева? Имело ли место недопонимание? На основании чего в действительности возникло разногласие?

Для этого в первую очередь стоит обратиться к положениям самой статьи. В ней, согласно заглавию, философ стремится наиболее полно определить сущность лирической поэзии. Ряд замечаний об этом предмете он уже оставил чуть ранее, в мае 1890 года, в работе «Общий смысл искусства», где указал, что значение искусства состоит в «предварении совершенной красоты», а «прямое, магическое» ее предварение, позволяющее увидеть истинную сущность вещей, происходит только в музыке и отчасти в чистой лирике [Соловьев, 1914, т. 6, с. 85].

Теперь же Соловьев обращается специально к разъяснению особенностей лирического творчества. Во-первых, признавая по-прежнему поэзию после музыки «самым прямым откровением человеческой души», он особо настаивает на ее объективности — на выражении в ней так или иначе объективного смысла [Соловьев, 1914, т. 6, с. 234]. По мысли философа, далеко не все переживания поэта могут послужить содержанием лирического текста. Кроме того, в ролевой лирике, к примеру, автор может «воспроизводить чужую, и во всех отношениях от него далекую, субъективность» [Соловьев, 1914, т. 6, с. 235]. Настоящая поэзия, следовательно, рождается только из «созвучия художественной души с истинным смыслом мировых и жизненных явлений» — человеческая субъективность здесь отражает не индивидуальное, но всеобщее [Соловьев, 1914, т. 6, с. 236].

Поэтому, по Соловьеву, форма лирического текста должна состоять в совершенном единстве с его содержанием. Философ комментирует: в случае нарушения единства — в ситуации, когда суть стихотворения может быть пересказана прозой, — подлинно лирическим стихотворение быть уже не может. Заметим кстати, что именно этим критерием предопределены основные его упреки Полонскому: в отдельных его текстах Соловьев чувствует рассудочную поэзию — создание разума, рефлексии, а не вдохновения. Так, например, назидательное стихотворение «За-

⊙ Любое распространение материалов журнала, в т. ч. архивных номеров, возможно только с письменного согласия редакции.

вет», задуманное поэтом как наставление сыну А.Я. Полонскому, философ считает неудачным: в придании ему стихотворной формы он ощущает несоответствие.

Полонский соглашается с оценкой «Завета», признавая, что преследовал при его создании утилитарные цели: «стихи легче запоминаются» [Переписка с Я.П. Полонским, 2008, с. 868]. И в то же время он слегка иронизирует над содержащимся в объяснениях Соловьева разграничением разума и вдохновения. Насчет строк еще не опубликованного, но уже посланного в редакцию «Русского Вестника» и известного его собеседнику Фету стихотворения «Гитана» он задает риторический вопрос: «Что это — продиктовано чувством — или разумом? Есть тут какое-нибудь вдохновение или нет?» [Переписка с Я.П. Полонским, 2008, с. 868]. 16 января 1891 года он вновь спросит — теперь уже по поводу наброска текста, по первой строчке озаглавленного «Исчадье природы…»: «Что тут — голова или вдохновение, ум или чувство?» [Переписка с Я.П. Полонским, 2008, с. 877]. Очевидно между тем, что точка зрения философа не предполагала абсолютного исключения разума из творческой деятельности: речь шла именно об основном источнике художественного произведения, предопределяющем его форму.

В статье «О лирической поэзии» Соловьев доказывает, что предметом мысли и чувства поэта не может быть что-либо преходящее: все, что «связано с процессом, с историей», принадлежит прикладной лирике [Соловьев, 1914, т. 6, с. 237]. Впоследствии, на что обращала внимание Н.Г. Юрина, его точка зрения будет смягчена: в сферу поэзии он допустит и гражданские, и патриотические ноты [Юрина, 2004, с. 38–39]. Но в 1890 году философ категоричен. Содержательный спектр чистой лирики, по его теории, включает в себя только две темы: «вечную красоту природы» и «бесконечную силу любви» [Соловьев, 1914, т. 6, с. 247]. Их значимость, впрочем, философ не просто констатирует, но подробно раскрывает: природа и половая любовь в высшем ее проявлении — это две формы непосредственного соприкосновения человека со всемирным смыслом.

Как раз это тематическое ограничение вызывает у Полонского наибольшее сопротивление. Как пишет он Фету, при таком подходе слишком многие значимые авторы и тексты оказываются исключены: античные поэты, романтики — А. де Мюссе, Байрон, частично Гейне и Лермонтов. В представлении самого Полонского содержание лирики охватывает любые проявления жизни, «ничто человеческое не чуждо ей» [Переписка с Я.П. Полонским, 2008, с. 868]. Он допускает как патриотизм, так и «отрицание» — вплоть до атеизма [Переписка с Я.П. Полонским, 2008, с. 868].

В письме к Фету он не распространяется более о своих воззрениях на предмет лирического текста, но схожие идеи были выражены им раньше, еще в 1878 году, в письме к юристу А.И. Стронину, где поэт дал отзыв о личности и творчестве Н.А. Некрасова. Полонский писал: «Если поэзия есть не что иное, как душа жизни, воплощенная в слово, то что же как не жизнь и может стать содержанием поэзии» [Яков Полонский о поэзии Некрасова, 1949, с. 160].

Склонность Полонского к афористичности и философскому обобщению в литературно-критических рассуждениях создает впечатление «вседозволенности» лирики в его понимании. Между тем определенные ограничения ее тематики для него безусловно существовали. Впервые он излагает последовательно свои представления о сущности и задачах поэзии в объемной статье «О законах творчества», опубликованной в 1892 году. В этом тексте обнаруживается скорее созвучие теоретических взглядов поэта позиции Соловьева.

⊙ Любое распространение материалов журнала, в т. ч. архивных номеров, возможно только с письменного согласия редакции.

Во-первых, Полонский однозначно утверждает единство источника творчества. По его словам, «муза поэзии одна и сущность ее законов — их тайный смысл — один, кому бы она ни диктовала их» [Полонский, 1892, с. 35]. Во-вторых, главным требованием к поэту он считает стремление — сознательное или бессознательное — к «истинной красоте или к красивой истине» [Полонский, 1892, с. 37]. Еще в 1859 году в критической статье о поэзии Л.А. Мея он истолковал поэзию как «истину в красоте и красоту в истине», но в тот период его думы разворачивались в русле поиска нравственных ориентиров автора — именно они, по идее Полонского, могли бы приблизить поэта к объективной правде [Полонский, 1859, с. 69]. В 1892 году он пробует дать более четкую интерпретацию затронутым понятиям.

Красота воплощается для него в совпадении формы текста с его содержанием. Определение истинности он ищет по ходу рассуждения: для отражения правды жизни поэту недостаточно по отдельности ни ума, ни наблюдательности, ни впечатлительности. «Правдиво» в итоге его размышлений оказывается сродни пушкинскому «выстраданному стиху» (в статье Полонский цитирует строки «Ответа анониму», чем указывает на близость собственных представлений словам лирического героя Пушкина). Ощущения, запечатленные в произведении, должны быть внутренне глубоко пережиты поэтом, а впоследствии тщательно отобраны и переработаны, потому что для искусства значимы лишь те из них, которые «в высшем своем напряжении общечеловечны» [Полонский, 1892, с. 40]. Именно это знание процесса внутренней «отделки» материала, вероятно, порождает насмешку поэта над словами философа о стихах «от вдохновения» [Соловьев, 1914, т. 6, с. 258].

Важно обратить внимание и на тот факт, что над идеей баланса различных способностей человеческой психики (познавательных, эмоциональных, волевых процессов) при создании художественного текста Полонский серьезно думал в 1889 году. В так и не опубликованной при его жизни рецензии на лирику К.М. Фофанова, написанной в связи с соисканием последним Пушкинской премии, он настаивал на том, что поэту обязательно требуется «равновесие всех душевных сил: ума, воображения, чувства, воли и памяти» [Кулябко, 1969, с. 178]. Уже в этом равновесии он ощущал самостоятельную «красоту или гармонию» [Кулябко, 1969, с. 178].

В литературно-критической статье Полонского «О законах творчества» 1892 года оказываются так или иначе разведены понятия «субъективности» поэта и его «субъективной истины» — первая способна породить лишь душевные излияния, не имеющие отношения к искусству, тогда как последняя может лечь в основу художественного произведения. Хотя Полонский не доводит мысль до логической стройности, само его требование, чтобы «личное чувство стало общечеловеческим», конечно, звучит в тон идеям Соловьева [Полонский, 1892, с. 40].

Сближает поэта с позицией философа еще один важный момент. В 1890-е гг. Полонский отходит от представлений об автономной ценности творчества — существовании искусства исключительно «ради искусства». При этом в трактовке смысла художественной деятельности он, в отличие от Соловьева, не придает ей религиозного значения. В статье «О законах творчества» Полонский ограничивается лишь общим указанием на приближение человека таким образом к истинной красоте. Между тем в письме к Стронину в 1878 году он постулировал ценность искусства в «провидении общественного идеала, великой будущности человечества» [Яков Полонский о поэзии Некрасова, 1949, с. 160]. Идея

⊙ Любое распространение материалов журнала, в т. ч. архивных номеров, возможно только с письменного согласия редакции.

пророческой сущности творчества роднит поэта с философом, но все-таки Полонский имеет в виду только социальную сторону вопроса. Художники, в его истолковании, могут предвидеть лишь прекрасную перспективу земной жизни. О возможности предосуществления «вечной красоты», «грядущей действительности», очевидной для Соловьева, Полонский умалчивает [Соловьев, 1914, т. 6, с. 84].

Ключевое расхождение в эстетических системах философа и поэта связано с различным восприятием положения лирики в иерархии искусств. Соловьев ставит поэзию невероятно высоко: в очерке «Поэзия Я.П. Полонского» в 1896 году он назовет ее «высшим родом художества» и, более того, добавит, что она «по-своему заключает в себе элементы всех других искусств» [Соловьев, 1914, т. 7, с. 345]. Полонский же признает равноправие видов литературной деятельности. Для него более существенным является вопрос об «истинном искусстве» в целом — без разделения его на роды и жанры. Так, в статье «О законах творчества» он особо уточняет: если художник следует идеалу красоты и правды, нет принципиальной разницы, пишет он романы, драмы и поэмы, сказки или лирические стихотворения [Полонский, 1892, с. 37]. Для понимания позиции Полонского необходимо вспомнить, что репертуар его творчества никогда не ограничивался лирической поэзией: с 1840-х гг. и до конца жизни он равно обращался как к поэзии, так и к прозе, и большинство крупных повестей и романов («Нечаянно», «Дешевый город», «Крутые горки», «Под гору», «Проигранная молодость» и др.) было создано им как раз в поздний период — в 1870–1890-е гг.

Итак, несмотря на принципиальные расхождения, в эстетических представлениях Соловьева и Полонского все-таки можно увидеть точки сближения. Теоретические рассуждения философа о чистой лирике оказываются созвучны пониманию Полонским «поэзии», т.е. подлинного искусства в целом. Поэт категорически оспаривает лишь одно положение Соловьева: ограничение тематики лирических произведений до сферы природы и любви. Полемическое настроение, явно чувствующееся в письме, как кажется, должно быть обусловлено не столько эстетической его позицией, сколько иными мировоззренческими причинами. Вопрос этот может стать темой для отдельного исследования, поэтому теперь укажем только на то, что поэт не принимал историко-политических взглядов философа. В период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Полонский все более укреплялся в славянофильских и панславистских воззрениях — об этом свидетельствует уже его сборник «На закате» (1881). Соловьев в это же время, наоборот, отошел от славянофильства и отказался от национальной идеи в пользу объединения Церквей. Поэт, очевидно, остался в этом вопросе непримирим и в 1890 году: незадолго до публикации соловьевской статьи «О лирической поэзии» он заочно — вновь в письме к Фету — укорял философа в том, что он «всесветную Истину видит только в Папе» и губит в молодом поколении «национальные стремления» [Переписка с Я.П. Полонским, 2008, с. 804]. Разногласия историософские и, что не менее важно для Полонского, гражданские, безусловно могли наложить отпечаток и на восприятие поэтом литературной критики Соловьева.

Список литературы

Коковин А.Ф. А.А. Фет и Я.П. Полонский: биографические и творческие связи: Дисс. … канд. филол. наук. Тверь, 2010. 211 с.

Кулябко Е.С. Я.П. Полонский и Академия наук (по архивным материалам) // Русская литература. 1969. № 2. С. 172–180.

⊙ Любое распространение материалов журнала, в т. ч. архивных номеров, возможно только с письменного согласия редакции.

Переписка Фета с Вл.С. Соловьевым (1881–1892) // А.А. Фет: Материалы и исследования. СПб.: Контраст, 2013. Вып. 2. С. 359–427.

Переписка с Я.П. Полонским // Литературное наследство. Т. 103. Кн. 1. А.А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. Кн. 1. М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2008. С. 555–986.

Полонский Я.П. О законах творчества // Русский вестник. 1892. № 5. С. 34–49.

Полонский Я.П. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1986. 463 с.

Полонский Я.П. Стихотворения г. Мея // Русское слово. 1859. № 1. Отд. II. С. 66–81.

Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», [1914]. 492 с.

Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 7. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», [1914]. 395 с.

Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 10. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1914. 587 с.

Юрина Н.Г. Литературно-критическая концепция В.С. Соловьева: истоки, становление, развитие: Дисс. … канд. филол. наук. Саранск, 2004. 213 с.

Яков Полонский о поэзии Некрасова // Лит. наследство. Т. 53/54: Н.А. Некрасов. [Кн.] III. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 158–162.

Тарзаева Александра Валентиновна,
младший научный сотрудник Отдела русской литературы конца XIX — начала XX века ИМЛИ им. А.М. Горького РАН,
аспирант кафедры истории русской литературы МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия.
avtarzaeva@gmail.com
https://orcid.org/0009-0003-7688-3145

V.S. Solovyov and Ya.P. Polonsky: Towards Understanding the Nature of Lyric Poetry

Aleksandra V. Tarzaeva, Junior researcher at the Department of Russian Literature of the late XIX — early XX century, A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Science; Postgraduate student of the Department of History of Russian Literature, M.V. Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russia.

Abstract. The article is a pioneer in comparing the aesthetic views of Vladimir Solovyov's and those of Yakov Polonsky's. There are key statements on poetry postulated by the philosopher in such works as "The general meaning of art" and "On lyrical poetry" considered. The author presents the interpretation of Polonsky's objections to the article dedicated to him. Relying on the material of the poet's critical notes and letters, it is proved that the fundamental issues find his position proves to be more in tune with the views of the philosopher. The disagreements are due to the different perception of lyrics in the hierarchy of arts.

Keywords: Ya.P. Polonsky, aesthetics of V.S. Solovyov, lyrical poetry, meaning of art, hierarchy of arts.

For citation: Tarzaeva A.V. V.S. Solovyov and Ya.P. Polonsky: Towards Understanding the Nature of Lyric Poetry. *Russkaja slovesnost,* 1, 2025, pp. 75–80.

* The research was carried out at the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences funded by a grant from the Russian Science Foundation (RSF, Project No. 23-28-00800).

Статья поступила в редакцию 29.10.2024; одобрена после рецензирования; принята к публикации 11.11.2024.
The article was submitted 29.10.2024; approved after reviewing; accepted for publication 11.11.2024.

⊙ Любое распространение материалов журнала, в т. ч. архивных номеров, возможно только с письменного согласия редакции.